

БИБЛИОТЕКА МИСТИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

БИБЛИОТЕКА МИСТИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УПЫРЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
СЕВЕРО-ЗАПАД

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
У 67

Составитель серии *А. Лидин*

Николай Алексеевич Толстой (1867–1938), принадлежавшего к одной из ветвей аристократического рода Толстых. Роман «Цари мира» впервые вышел отдельным изданием в Москве в 1912 г.

Граф Алексѣй Константинович Толстой (1817 — 1875) — русский писатель, поэт и драматург, переводчик, сатирик из рода Толстых. Мистическая проза Толстого удивительно-сложный фантастический узор на канве обыкновенной реальности.

У 67

Упырь (сборник). — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2020. — 350 с. — Библиотека мистики серебряного века. Том 7

ISBN 978-5-93835-036-6

ISBN 978-5-93835-036-6

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2020

Николай Алексеевич ТОЛСТОЙ

ЦАРИ МИРА

(роман)

I

В ОДНО ХОЛОДНОЕ августовское утро 1900 года на улице Анонсиасьон в предместье Парижа царило необычайное оживление.

Из монастыря сестер-кармелиток выселяли его обительниц, заслуживших давнишнюю симпатию всего бедного населения околотка. Но закон, только что проведенный Вальдеком, был неумолим, и полиция должна была его исполнить.

Монахини сопротивления не оказывали. Они послушно выходили попарно из раскрытых настежь, никогда прежде не открывавшихся железных — с прочной решеткой — ворот, садились на приготовленные фиакры и, не обращая внимания на толпу и на полицейских, осеняли себя крестным знаменем и поочередно отъезжали по направлению к центральной части города, откуда, с вокзала Сен-Лазар, должны были направиться в Англию, навсегда покинуть дорогое отечество.

Уже целая вереница черных плащей и белых кремовых сутан прошла перед зрителями, громко выразившими

свое негодование на жестокость правительства. Остались только две пары монахинь, и в числе их мать Мария де ла Круа, сама игуменья, которая, как капитан корабля, хотела последней покинуть оставленные владения. Но при виде ее полицейские величаво остановили подвигавшуюся группу, и комиссар, приподняв шляпу, спросил:

— Вы госпожа Дюпон?

— Я сестра Мария, — тихо, но твердо ответствовала монахиня. — В миру была Анна Дюпон, и не понимаю, чего вам еще от меня нужно... Вы разорили монастырь, закрыли и запечатали нашу домовую церковь, забрали наше небольшое имущество и, наконец, выгнали нас из собственного нашего дома без всякого с нашей стороны сопротивления. Чего вам теперь от нас нужно?

— Сударыня, я очень извиняюсь за причиненное вам и вашим сестрам беспокойство, но я человек подвластный и должен исполнить свой тяжелый долг до конца. Вы должны понять...

— Пожалуйста, короче, господин комиссар. Меня ждут сестры, которые торопятся на поезд.

— Извините меня, сударыня. Эти дамы поедут без вас...

— Почему это? — спросила игуменья дрогнувшим голосом, предчувствуя недоброе.

— Я имею приказ вас арестовать.

Толпа заволновалась. Неодобрительный гул негодующих голосов волной пронесся по улице. В это время какая-то бедно одетая женщина, с шестилетним ребенком на руках, протискалась до самой кареты, в которую комиссар намеревался посадить игуменью. Одной рукой придерживая ребенка, она другой дотронулась до рукава монахини, чтобы обратить на себя внимание.

— А, это ты, Габриэль! Пришла проститься со мной? — сказала она, наконец, заметив ее. — Видишь, меня уволят! Терпенье!

— Матушка! Добрая матушка! Я вас более не увижу! Благословите на прощанье меня и маленького Тото!

— Бог тебя благословит, моя дорогая Габриэль, ты будешь счастлива, ты увидишь лучшие дни... Твой сын вырастет, будет добрым, умным и бравым тружеником, как его отец. Я буду молиться о вас обоих.

— Ваше благословение, мадам Дюпон, им, несомненно, принесет счастье, — сказал, улыбаясь, комиссар. — А теперь потрудитесь занять место в карете вместе с тремя вашими приближенными, и нам пора отправляться.

Четыре кармелитки, одна за другой, вошли в карету, которая поплелась по направлению, противоположному предыдущим, сопровождаемая полицейскими чиновниками.

— За что арестовали мать-игуменью? — говорили в толпе, и тотчас же стали появляться самые нелепые предположения.

— У нее оказался миллион, который она хотела спрятать от правительства, — говорил один.

— Нет, она, должно быть, неверно показала число сестер, — предполагал другой.

— Вовсе нет. В монастыре нашли огромное количество детских трупов, — выдумывал третий.

— Она была немецкой шпионкой, и правительство нашло у нее компрометирующую переписку, — с апломбом утверждал четвертый.

— Может быть, узнали, что она переодетый Дрейфус? — шутил пятый.

— Я вам скажу, в чем дело, — отрицал следующий, — но это секрет: за беспатентную торговлю табаком...

— Мы сейчас узнаем. Вот идет господин помощник комиссара, он должен знать, он нам скажет, — закричали в толпе.

— Господа, расходитесь. Мадам Дюпон арестована по приказанию господина префекта полиции за принадлежность к военной иезуитской организации для ниспровержения республиканского строя. Не беспокойтесь. После допроса ее выпустят на свободу, и она благополучно присоединится к своим товаркам за границей. Ей дурного не сделают.

Толпа стала расходиться. Не все верили, чтобы заключенная монахиня могла участвовать в антиправительственной организации. Но все удовлетворялись словами господина помощника комиссара, что «ей дурного не сделают», и только некоторые иронически замечали, что дурного ей сделали уж порядочно, и хуже того зла, которое уж причинили ей с сестрами, никто в свете сделать не может.

Парижская толпа расходится не скоро: ей нужно потолковать, обсудить происшествие, посмотреть, если есть что, и еще поговорить. Поэтому, когда господин помощник комиссара вошел в опустевший монастырь, часть толпы осталась на улице, а другая двинулась вслед за ним посмотреть обиталище монахинь, то святая святых, в которое никогда еще не вступала нога ни одного мужчины, — даже священника. Молодежь ходила по пустым кельям, смеялась, постукивала по глухим стенам — не окажется ли где-нибудь потайного хода или замуравленной за непослушание монашенки. От чердака до погреба, все представляло полное запустение, одни голые стены, кое-где самая простая мебель, соломенные тюфяки и железные умывальники. В комнате, по-видимому, принадлежавшей настоятельнице,

валялись кое-какие клерикальные газеты, обрывки писем. Все это не было интересным. Но вот в углу, у самой кровати, полицейский заметил тщательно сложенное письмо, видимо, впопыхах оброненное при выходе из комнаты. Он его поднял, взглянул на подпись.

— А, это инженер Дюпон, брат монахини. Посмотрим, что он пишет! Едва ли что-нибудь важное.

Но лицо полицейского тотчас же изменилось, когда он стал пересматривать свою находку. Он побледнел, руки его задрожали, и он, не помня, что делает, громко прочел перед всеми присутствующими следующие строки:

Сестра, наша победа обеспечена! Мы не только будем господствовать во Франции, но можем сделаться хозяевами всего мира. Мой друг, русский электротехник Филиппов, изобрел «силу», могущую на расстоянии нескольких тысяч километров взрывать мины, разрушать крепости и поражать электрическим ударом намеченного врага. Он не успел воспользоваться своим открытием. В тот самый день, когда он опубликовал о своем изобретении в газетах, обещая раскрыть свою тайну перед всем миром, думая этим сделать войну невозможной, несчастный был найден задушенным в своей комнате, или, вернее, в своей лаборатории. Врачи констатировали отравление газами, над которыми он работал. Но, может быть, дело обстояло иначе. Я уверен даже, что было иначе; мне кажется, что мы стоим пред лицом возмутительного злодейства. Во всяком случае, после его смерти его секрета не нашли; не знаю, искали ли, а если и искали, то лишь для того, чтобы его уничтожить. Бедный погибший друг! Прежде, чем рисковать жизнью для науки и блага